

Школа общины с Хулианом Карроном
Видеоконференция, 16 июня 2021 г.

Текст: Х. Каррон. Есть ли надежда? Гл. 3.

- *Aconteseu*
- *Liberazione №2*

Слава...

Добрый вечер! Приступим к работе над новой главой книги «Есть ли надежда?». Она начинается словами, которые, как мне кажется, напрямую связаны с тем, что мы переживаем: «Настоящее с его потрясениями обнажило аспекты жизни, которые мы воспринимали как само собой разумеющиеся. „Но так всегда было с фактами. Они взрывали мыльные пузыри идей, опровергали теории, уничтожали убеждения“. Для большого числа людей внезапно стала острой, пусть даже на короткие мгновения, потребность в конечном смысле перед лицом жизни и смерти, которые нам никогда не удастся полностью держать под контролем. Ни для кого не секрет, что многие очевидные вещи перестали быть таковыми и больше не составляют наш отправной культурный багаж. <...> Но, возможно, как ни парадоксально, когда мы видим, как распадаются некоторые наши монолитные самонадеянные представления, как образуется трещина в стене нашей уверенности, это нам помогает. Леонард Коэн поет: „Во всем есть трещина всегда, / Так проникает свет туда“». Как благодаря пандемии мы в ходе нашей работы обнаружили такую трещину?

Добрый вечер! Последний год был очень сложным как на работе в больнице, так и в семье. Серьезным вызовом стало для меня то, сколько смертей, одиночества, боли и плача мы видели. В этом году я действительно стала понимать, что значит, что реальность дана: дано и хорошее и плохое, Он призывает меня и через положительные и через отрицательные события. Это был для меня настоящий переворот. К тому же, часто Господь буквально вытаскивал меня за волосы: когда мой муж встречал меня после трудного дня, на школе общины, на упражнениях... Но у меня есть вопрос. Я вижу, что, хотя я и выучила все эти вещи, в большинстве случаев я веду себя, как и весь остальной мир. Перед лицом новых болезненных обстоятельств, которые мне хотелось бы изменить, а они не меняются, я пытаюсь урезать мое желание, отбросить его, хочу, чтоб его не было и даже начинаю сомневаться, может ли реальность ответить на него. Иными словами, я ставлю под сомнение то, что мое желание есть благо, и говорю: «Это не так». Должна сказать: останавливаясь и проделывая работу, я признаю, что все не так и все можно восстановить, но это сложная работа. Для меня большой вопрос в том, как не начинать каждый раз с нуля, как работа становится повседневной, потому что такое положение вещей причиняет мне огромную боль. Я поделилась этой болью с одной подругой, и она сказала мне: «Я удивлена, что боль тебе причиняют не тяжелые обстоятельства, а сознание, что ты думаешь точно так же, как и весь остальной мир». Как же не начинать каждый раз с нуля?

Твой вопрос кажется мне очень интересным, он заставляет всех нас задуматься: из всего, что мы переживаем, остается ли что-то, что позволяет нам воспринимать повседневность иначе? Обстоятельства – говорил отец Джуссани – служат нашему взрослению («Если Бог допускает какие-то события, то только для нашей зрелости, для нашего взросления»). L. Giussani. *La lunga marcia della maturità // Tracce*. N. 3. 2008. P. 57). Ты сомневаешься именно в этом: действительно ли обстоятельства даются нам для нашей зрелости? Способно ли все, что мы переживаем, произвести нечто стабильное, позволяющее подступаться к обстоятельствам по-новому? Ты бросаешь вызов предложению отца Джуссани, и правильно делаешь: я не могу убедить тебя в том, что некие слова истинны только потому, что «так говорил Джуссани» (он и сам на это не претендовал). Джуссани делает нам предложение, и мы в нашем опыте должны проверить, верно ли оно и порождает ли оно во мне нечто новое, позволяющее по-новому встречать вызовы, на которые жизнь никогда не скупится.

Перед нами решающий вопрос. И поразительно видеть, что он возникает не только у нас, это проблема любого человека, прошедшего через твои или через похожие обстоятельства. А значит, мы ведем диалог, открытый на триста шестьдесят градусов, диалог со всеми. Осознать это, как мне кажется, крайне важно: наш диалог, диалог каждого из нас с самим собой о том, как мы переживаем все обстоятельства и что при этом рождается в нас, – это диалог со всем миром. По сути, мы свидетельствуем миру о том, способна ли наша вера породить что-то, имеющее значение для всех, касающееся вопросов, которыми задаются все. В этом смысле меня заинтересовала одна статья, опубликованная в испанской газете *El País*. В ней журналистка Роза Монтеро рассказывает о своем впечатлении от первых выходных, когда были сняты карантинные ограничения. «Я живу в одном из центральных кварталов Мадрида, и поэтому могла из дома наблюдать за гуляньями по случаю выхода из чрезвычайной ситуации, за шумными волнами народа, вышедшего на улицы с неутолимой жадностью счастья, с огромным желанием прожечь ночь, обладать жизнью. Немного страшно было видеть, как мы снова забыли о вирусе, но тема моей статьи не эта забывчивость. Взрыв радости казался вполне понятным. Но я спрашиваю себя, сколько из тех людей пошли спать счастливыми на рассвете». Проверка того, как мы прожили пандемию (всем пришлось проделать эту проверку), состоит в том, в каком состоянии мы пошли спать, когда после долгого ожидания могли отпраздновать отмену ограничений. Ты задаешь такой же вопрос, как и испанская журналистка: «„Мы ищем счастья, но не знаем где“. Пандемия должна была бы преподать нам урок о живой и уникальной истине настоящего, конкретного мгновения, в которое мы живем, но боюсь, мы так ничему и не научимся». Она рассказывает о людях, которым диагностировали рак и которые «в ошеломляющем прозрении, порожденном страхом, уверяют, что болезнь открыла им глаза и что, если они ее одолеют, то уж никогда не будут растрчивать время по пустякам». Иными словами, что они чему-то научились, и это знание в дальнейшем поможет им иначе переживать повседневность. Однако Роза Монтеро добавляет: «Потом друзья (слава богу) выздоравливают и через несколько лет возвращаются к прежней ментальной деформации, к прежней неясности относительно того, кто они и чего хотят». Они вновь смотрят на реальность, как раньше, «бессознательно откладывая счастье на далекие времена», связывая собственное свершение с новыми событиями «в будущем, до которого ты никогда не дойдешь». «Плохая новость, – пишет журналистка, – в том, что оно никогда не настанет. Существует только сегодня, только здесь и сейчас» (R. Montero. *Hoy, aquí, ahora // El País*. 23 maggio 2021). Так заканчивается ее статья. Мы все после отмены карантина, вернувшись к так называемой «нормальной жизни»,

столкнулись с тем же самым опытом. Ты спрашиваешь, остается ли что-то, что делает новый образ жизни повседневным. Это может случиться в обычной ситуации, как празднование снятия карантина в Мадриде, описанное Розой Монтеро, или в драматичных обстоятельствах, как в Италии, когда в первый день после отмены ограничений нас ждало совсем нерадостное потрясение – авария на горе Моттароне (23 мая произошло обрушение линии канатной дороги Стреза-Альпино-Моттароне, в результате чего погибли четырнадцать человек. – *Примеч. перев.*)

Добрый вечер! Сколько раз я слышал фразу Монтале «Непредвиденное – единственная надежда» и сколько раз пропускал ее мимо ушей как что-то уже усвоенное. Но в этот раз я попробовал соотнести ее с обстоятельствами, которые переживаю, мне захотелось проверить, действительно ли эти слова имеют вес в конкретной жизни. Смотреть на непредвиденное как на возможность, реально влияющую на мое существование, на мой взгляд на вещи, – без сомнения то, что наиболее соответствует моему разуму. Изменение, которое я заметил в себе, касалось перехода от этого обезоруживающего утверждения к признанию привязанности. Недостаточно логического обезоруживающего наблюдения, чтобы принять иную меру как основу взгляда на все. Какую нужду необходимо признать в себе, чтобы предстать перед вещами, не боясь собственной нищеты человечности, желающей познать Его через кого-то. Это было открытием для меня. А потом оборвалась канатная дорога в Стрезе. Я словно потерял опору, вернулся вспять, как будто мое открытие сошло на нет. Этот несчастный случай тоже был непредвиденным. Но это была трагедия, а не надежда. Хочу спросить тебя, как соотносится трагедия на канатной дороге со словами Монтале о том, что «непредвиденное – единственная надежда»? Я понимаю, что тут требуется еще один шаг, работа, которая не позволит сузить вопрос. Помоги мне с этим.

Вопрос вызывает не только шокирующая авария на канатной дороге. Как мы видели, он возникает и при виде празднования выхода из карантина, и в любых повседневных обстоятельствах. Глядя на эту данность, мы можем понять, какое непредвиденное событие должно случиться, чтобы мы приобрели опыт, который останется надолго.

Во втором пункте третьей главы ты цитируешь фразу о непредвиденном событии, происходящем во Христе Иисусе, Который «таится, становится присутствием под покровом, под видом иной человечности. Мы встречаемся, сталкиваемся с иной человечностью, соответствующей структурным потребностям нашего сердца больше, чем любые наши мысли и фантазии». Эти слова засели в моем сердце, словно кинжал, настолько правдивой во всем ее драматизме она мне представляется. И все же, когда я смотрю вокруг, пытаюсь заметить такую удивительную иную человечность, меня настигает своего рода разочарование, потому что я ее не вижу или же, скажем точнее, мне сложно увидеть ее. Если я смотрю на людей из общины, на наши инициативы и даже на внимание ко мне, кажется, что энтузиазм, охвативший меня больше сорока восьми лет назад и изменивший мою жизнь, со временем становится слабее, истощается, и иная человечность сегодня не проявляется как факт. Я уже полтора года получаю пособие, и редко кто спрашивает меня, как мои дела, хотя мы видимся на мессе, проводим школы общины и встречи групп Братства и т. д. Но я словно не вижу иную человечность. Потом, правда, случаются такие события,

как смерть друга от бокового амиотрофического склероза, и ты видишь переливающуюся через край человечность, свидетельствующую о том, что человек охвачен бесконечной Любовью, поддерживающей его вплоть до смерти, и он умирает вот так, полностью предав себя Ему. Но мне как будто мало даже таких свидетельств, для меня это факты и люди, далекие от меня. Я каждый день умоляю, чтобы иная человечность проявилась, как молния или как шепот (сгодится и то, и другое), чтобы она вошла в мою плоть и кровь и заразила меня благом. Как возможно, что это мое желание остается таким бесплодным и что я не вижу вокруг себя эту иную человечность и, напротив, часто замечаю человечность обедневшую, лишенную порыва, устремленного ко всем и ко всему, того порыва, который поразил меня в самом начале моего христианского опыта? Спасибо за твое отцовство.

Спасибо! Ты всех нас ставишь перед вызовом: недостаточно видеть невероятные факты, удивительные свидетельства. «Я каждый день умоляю, чтобы иная человечность проявилась, как молния или как шепот... чтобы она вошла в мою плоть и кровь». Поразительно! Нам мало видеть ее в ком-то, мы хотим, чтобы новизна проникла до мозга костей и в нас. «Как возможно... что я не вижу вокруг себя эту иную человечность?» Когда человек замечает, что первоначальное воодушевление угасло, ему недостаточно видеть исключительные факты. Как же быть? Что остается от всего, что Бог дает нам во свидетельство о Своем действии в мире? Возможно ли (как спрашивала подруга, выступавшая первой), чтобы из всего происходящего с нами оставалось что-то значительное, позволяющее смотреть в лицо повседневности, или же мы должны каждый раз начинать с нуля?

Привет! Что остается от всех невероятных и исключительных фактов, которые мы видели? Ты задал этот вопрос на студенческой дьяконии, и в последние дни он не оставляет меня, горит во мне, ведь я в эти годы вижу, осязаю тысячи фактов, которые не могу «обобщить», которые затрагивают пылающую точку внутри меня, вызывают во мне трепет. Я общаюсь и с людьми, видевшими столько же, если не больше, и все же увиденного им «мало», они больше не испытывают «притягательность», не «видят». Что же тогда остается? Я желаю смотреть этому вопросу в лицо, поскольку мне не хотелось бы жить в страхе, что в определенный момент и со мной что-то случится и я буду говорить то же, что и они, не зная, как вести себя в такой ситуации. Когда я вспоминаю период «темноты», пережитый несколько лет назад, становится ясно: несмотря ни на что, незыблемой оставалась очевидность того, что случилось в начале моего призвания. И это сдвигало меня с мертвой точки и заставляло желать, чтобы все во мне прилепилось к тому, с чем я встретился. Я не мог устранить эту очевидность, хотя порой и пытался. Но это была неравная борьба, мне приходилось лгать самому себе. Признавая это, не отдаляясь от этой очевидности, я смог проделать путь. Все факты, которые я вижу и переживаю, усиливают изначальную очевидность. «И уверовали в Него ученики». «Господи, я тоже не понимаю, но лишь у Тебя слова, объясняющие жизнь». Такой опыт возникает не в результате усилий, а благодаря привязанности, которую Он породил во мне, благодаря тому, что Он привязал меня к Себе в определенном месте, с помощью нашей харизмы. Меня очень поразило, что ты, отвечая на дьяконии, вернулся к примеру девушки, которая увидела во взгляде нашего друга глаза своего дедушки. Ты подскокил на месте и сказал: «Остается такой взгляд, такие глаза!» Это правда, остается взгляд, который смотрит на меня и формирует мой собственный взгляд. Я вижу,

как он порождает меня. Я остаюсь таким же бедолагой, как и раньше, но мой взгляд меняется. И это позволяет использовать разум иначе.

Давайте попросим этого нашего друга рассказать от первого лица, что же та девушка увидела в его глазах.

Добрый вечер! История произошла со мной в университете. Одна девушка после какого-то времени, проведенного за совместной работой, сказала мне: «Знаешь, я потеряла веру в человечество, но, познакомившись с тобой, я больше не могу утверждать, что все люди плохие». Мы работали вместе несколько дней, и однажды она остановила меня и сказала: «Нет, я все-таки не понимаю. Умоляю, расскажи мне твою историю!» Мы пошли выпить кофе, и я рассказал ей, что случилось в моей жизни. Она сразу же стала говорить, что все это казалось ей невозможным или неразумным. У нее особые отношения с природой, и поэтому я спросил: «Ты когда-нибудь задавалась вопросом о том, откуда взялось вот это дерево, почему оно существует?» Она ответила: «На такие вопросы нельзя найти ответ». Вечером она написала мне сообщение: «Я легла в кровать и поняла, что вопросы, о которых ты мне говорил, были у меня всегда. Познакомишь меня с твоими друзьями?» Мы встретились, и, разговаривая с одним из моих друзей, она поделалась с нами своей историей (очень драматичной) и сказала обо мне: «Он меня поразил, потому что у него глаза моего дедушки. Только он из всех людей в моей жизни по-настоящему любил меня. Единственное, что их объединяет, – вера». Тогда мой друг сказал ей: «Ты осознаешь, что твой дедушка по-прежнему живет, живет в глазах твоего друга?» Его слова позволили ей добавить недостающую деталь, деталь, ведущую к целому; ее история словно связалась с нашей, хотя она и не верит. Сейчас при любой возможности она обедает с нами и продолжает говорить: «Я не понимаю, не понимаю, но вижу глаза моего дедушки. И только это дает мне спокойствие, только это позволяет не прятать вопросы, которые мне непонятны и которые кажутся бессмысленными». Что я вижу в этой истории? Я вижу, как во мне постепенно укрепляется сознание о том, что мое «я» является «я», когда есть Тот, Кто любит его, Кто относится к нему так, как относится ко мне, оказывая предпочтение. Отсюда рождается настоящая дружба. Это невероятно, потому что я все больше становлюсь самим собой, моя жизнь становится более цельной, тогда как раньше она была разделена на части (университет, спорт, семья), эти разные миры встречаются. Для меня это драгоценный опыт.

Остается ли что-то из происходящего с нами? Как понять, что что-то из встреченного тобой остается в тебе? По глазам! По глазам дедушки в твоих глазах. Если бы в той девушке не остался взгляд ее дедушки, она не смогла бы распознать его в твоих глазах. Часто нам нужно увидеть, как это происходит, чтобы найти ответы на наши вопросы. Интересно вдуматься в то, что ты сказал. Вначале, когда ты поделился с ней твоей историей, она не поверила, ей твои слова казались невозможными и неразумными. Она совсем не верила! Но ей никак не удавалось объяснить то, что она видела в тебе, и в конце концов пришлось признать: «Есть что-то [знаменитое «что-то»], чего я совершенно не понимаю». Она видит в тебе глаза дедушки и поэтому продолжает искать встреч с тобой. Значит, что-то остается, не исчезает спустя какое-то время. Этот взгляд есть в тебе не потому, что ты себя в этом убеждаешь, но потому что другой человек – та девушка – замечает его, ничего о тебе не зная, признает его, признает

общий знаменатель для твоего взгляда и взгляда ее бабушки. Просто невероятно! Что же у них общего? Оба верующие люди. Твоя подруга, возможно, еще не понимает, что такое это «что-то», и, возможно, ей понадобится время, но она не в силах отмахнуться от увиденного. Она больше не в силах отвернуться от вопроса, которого раньше избегала («Откуда взялось это дерево?»), и идя спать, она обнаруживает его в себе. Она не в силах устранить взгляд бабушки, который вновь увидела в тебе. Она как будто увидела что-то, что не в силах редуцировать, свести до собственных интерпретаций. Речь об исключительности, которая может проявляться, в частности, и таким образом. Именно ей не находили объяснения ученики, но и отвернуться от нее они тоже не могли. Они тоже не понимали, но неизбежно признавали в собственном опыте нечто уникальное. Если мы внимательны к подобным событиям, то поймем, насколько человечен путь веры. Именно поэтому твоя подруга, движимая любопытством, меняет первоначальную позицию («это невозможно»), как это случилось и с учениками: они последовали за Иисусом из любопытства, уловив что-то во взгляде Того Человека. Сегодня происходит то же самое.

О чем-то похожем пишет мне один друг, который не смог подключиться к школе общины из-за работы: «Хочу рассказать, что в третьей главе меня особенно зацепило. В какой-то момент в ней говорится: „Иисус Христос, Человек, живший две тысячи лет назад, таится, становится присутствием под покровом, под видом иной человечности. Мы встречаемся, сталкиваемся с иной человечностью: нас удивляет опыт иной человечности“. Со мной пару лет назад случилось именно это. На работе я никогда не говорил, что я из „Общения и освобождения“. Через полтора года, когда зашла речь об этом, я всем сказал, что я из Движения. Все удивились, кроме одного коллеги, который сказал: „Ну, я уже давно понял“. Я спросил у него, как такое возможно, и он ответил: „У нас в компании раньше работал человек из Движения [я его не знаю], вы с ним очень похожи. Вас объединяет тот факт, что вы видите достоинство в любом человеке, кто бы перед вами ни находился“ [и дело не в симпатии или антипатии]. Его слова меня очень поразили, потому что этого в себе даже не замечаю, наоборот, порой мне стыдно, что я слишком суров с коллегами. Я усмотрел в этом признаки новой человечности, которую мы, сами того не сознавая, несем в себе, благодаря радикальному факту, произошедшему с нами и полностью изменившему нашу жизнь. Как ни парадоксально, я никогда не старался вести себя „правильно“, но, подобно Азурменди, мой коллега заметил, что меня и того другого человека с работы объединяет одна и та же человечность. Однако у меня возникает вопрос. Почему не все видят эту новую человечность? Почему среди пятнадцати человек, знавших и меня и предыдущего коллегу, только один сказал: „У них есть что-то общее, потому что другой причиной я не могу объяснить их человечность? “» Это тайна свободы каждого человека. От нас требуется быть свидетелями, а как поступит другой человек с нашим свидетельством, зависит от решения его свободы. Поэтому и ответе на вопрос о том, что остается, интересно посмотреть, что остается в других, когда они встречаются с нами, и благодаря им самим лучше сознавать это.

В этом году одна коллега, очень умная и опытная, постепенно сблизилась со мной. Однажды она спросила, можем ли мы вместе пойти на мессу. Так с февраля мы встречаемся каждое воскресенье, чтобы ходить в церковь, а иногда гуляем и говорим на разные темы. В рамках этой дружбы я стала замечать, что во многих ситуациях выношу приговор: «Невозможно», – и замыкаюсь в себе. Она же мне все время деликатно возражает. В третьей главе говорится:

*«Это кажется нам невозможным. Но что, если это произойдет? Что, если мы с этим встретимся? Что, если оно выйдет искать нас?» Чуть дальше написано: «Христос побеждал во мне, во всех моих ранах, во всех возражениях, побеждал Своей современностью». Со мной точно так же! Две недели назад коллега написала мне следующее: «Я благодарю тебя, потому что ты не только моя подруга, ты из *Mentes Domini*, и мне кажется, я поняла это еще до первого апреля, когда ты рассказала мне про Движение. Ты помогаешь мне вновь ощущать себя христианкой по выбору. Я всегда верила в Бога, но немного сбилась с пути, и ты действительно очень помогла мне снова найти его. Знакомство с Движением тоже стало удивительным, ведь оно помогает мне смотреть вглубь самой себя. Не знаю, какой будет моя дорога, но уверена, что должна благодарить тебя за это. Я в этом не сомневаюсь с того момента, как ты дала мне листок с подчеркнутой фразой: «Слово стало плотью и обитает с нами». С того дня я поняла, что хочу быть твоей подругой, ты важна, и я не хочу потерять твое присутствие. Оно драгоценное благо, которое нельзя растрачивать впустую». В этой истории я главная героиня, но в то же время – и зачарованный зритель. Очевидно, что моя коллега находит во мне нечто совершенно новое для себя, но и я нахожу не меньше благодаря ей, поскольку меняется мое самовосприятие. В третьей главе говорится: «По каким признакам я могу понять, является ли частность, с которой я сталкиваюсь, событием Христа сегодня? По наличию в ней „вселенских притязаний“... по ее способности озарить любое обстоятельство и любую ситуацию, в том числе и самую ужасную: смерть». Я в настоящий момент не имею дело со смертью, но на протяжении многих лет и до недавнего времени я говорила себе: «Если бы другие люди знали, что приходит мне в голову, они бы мне не доверяли. Кто же видит истину обо мне? Я, знающая, что творится у меня внутри». Такие мысли разрушительны. Сейчас же, когда я вспоминаю о таком взгляде на саму себя, проблема не возникает, потому что важно не это. Истина в том, что я Его, я принадлежу Господу. Это видит моя подруга, это вижу и я, я вижу, как Он всегда возвращается, чтобы вновь привлечь меня, в том числе и через мою коллегу, таким новым для меня образом, как никогда, кажется, не случилось! И я с огромным любопытством жду, куда меня это приведет. Спасибо!*

Именно так рождается «я», постепенно, согласно замыслу, который принадлежит не нам. И это настолько очевидно, что порой другие замечают это раньше нас. Господь сталкивает нас с людьми, видящими это и позволяющими нам самим осознать, что мы переживаем. Об этом говорится в другом письме: «Две тысячи лет спустя мы в такой же точно ситуации: в нашем опыте есть что-то, но это что-то происходит извне». Ученики, видя Того Человека, не могли не признавать, что в Нем что-то было, но это что-то отсылало их к чему-то другому. Твоя подруга нашла в тебе именно это «что-то», отсылающее к чему-то другому. Постепенно, если мы даем себе время, если позволяем Его действию в нас порождать нас, наш опыт прояснит нам слова святого Павла (очень похожие на твои): «Уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2:20). Я вспоминаю девушку, о которой рассказываю в упражнениях: даже когда умирает жених твоей сестры, можно совершить такую проверку, если видишь, как Христос Своей современностью побеждает в тебе, позволяя определенным образом предстоять перед этим вызовом. Мы видим это, но иногда история за нашими плечами кажется нам недостаточной в столкновении с новым вызовом.

Фраза «непредвиденное – единственная надежда», которую в прошлом я повторяла с глубоким согласием, в этот раз меня озадачила. Год, прожитый в моем городе, где с ноября по сей день наблюдается самый высокий процент заражений и смертей в Италии; очень тяжелая и болезненная ситуация в семье, которая длится уже несколько лет; учебный год, ставший испытанием для моих учеников и для меня, – все это вселило в меня страх перед тем, что может произойти. Наконец, недавняя новость о декрете Дикастерии по делам мирян, семьи и жизни, касательно руководства церковными движениями, всерьез обеспокоила меня. Моя реакция описана в пункте о привязанности из второй главы. Я пытаюсь ретироваться, избежать непредвиденных обстоятельств из страха. Я боюсь «допустить, что может случиться что-то, превосходящее мою способность предсказывать», и все же понимаю: поступать так – «значит не отказываться от разума, а использовать его в полную силу». Как ты говоришь во введении, «у меня за плечами история, достаточная для того, чтобы знать, что любые усилия слишком слабы. Конец возвещен, а смерть неизменно одерживает победу», и тем не менее, я вижу перед собой свидетелей (мне в голову сразу приходит твой незамедлительный ответ кардиналу Фарреллу), которые все воспринимают как новое благодаря встрече, породившей в них новизну. Перед лицом непредвиденного знакомо и остро звучит вопрос Никодима, процитированный в третьей главе: «Можно ли родиться заново, будучи старым?» Хочу спросить у тебя: у меня за плечами история, достаточная, чтобы понять, что любых усилий мало, но также достаточная и для того, чтобы знать, что надежда есть. Но как родиться заново? Как не смотреть все время назад, как освободиться от прошлого и видеть все в новом свете?

Как видите, и в этом случае вновь встает вопрос: остается ли от прошлого что-то, что позволяет встречать лицом к лицу все? Остается ли что-то новое, помогающее нам с удивлением понять, что непредвиденное – это действительно единственная надежда?

Начиная с пятницы, в разных обстоятельствах (на встрече группы Братства, на ужине с коллегами, в разговорах с друзьями) начиналось обсуждение декрета. Я прочитала его и подумала: «Вы не имеете недостатка ни в каком даровании [благодати]» (1 Кор. 1:7). Я не боюсь. Путь, который я проделала в эти годы благодаря тебе, вселяет в меня уверенность. Бог верен, а история принадлежит Ему. Я с любопытством жду, что произойдет. Не думай, что я не понимаю значение этого события для Движения. Но оно не перекрыло мне кислород. Я молюсь, и смотрю, и молчу. Однако, если такая позиция кажется тебе наивной, не слишком глубокой, скажи мне. Многие так думают, и я хочу понять, что упускаю из виду.

Разные люди написали мне и спросили, как смотреть на требования, установленные декретом Дикастерии по делам мирян, семьи и жизни, не отмахиваясь от собственного опыта. Это еще один вызов, который мы должны принять.

Как вы видели и как только что сказала наша подруга, моей первой реакцией была полная готовность к послушанию – христианской добродетели, которую всегда прививал нам собственным непрерывным свидетельством отец Джуссани. В данном случае речь о послушании выдвинутому требованию по смене руководства Движения. Я выразил ее в письме, отправленном в субботу утром: «В ответ на письмо, в сопровождении которого Вы пожелали заранее направить мне текст Декрета о внутреннем руководстве международными

объединениями верных, хочу уверить Вас, что центральная дьякония Братства «Общения и освобождения» примет к исполнению обозначенные требования согласно указаниям и срокам, предусмотренным упомянутым Декретом». Мы можем смотреть и на эту ситуацию в свете опыта, который мы пережили и переживаем. Для каждого из нас это еще одна возможность ответить на вопрос о том, что остается, проверить наш ответ в опыте. В отношениях между нами нас определяют не посты, которые мы занимаем, а инаковость, которую мы несем. Роли могут меняться, и это правильно, и мы можем свидетельствовать друг другу о новой жизни, охватившей нас. Это важнейший момент. И в то же время мы можем понять и значение таких обстоятельств.

Что для нас важно в этих обстоятельствах? Как всегда, наше взросление (сегодняшние выступления одно за другим это подтверждали). Иными словами, проверка веры. Каждый из нас тем или иным образом отреагировал на декрет (как и на аварию на канатной дороге, на возвращение к «нормальной» жизни и т. д.), каждый мог заметить то, что в десятой главе «Религиозного чувства» отец Джуссани называет «структурой реакции человека на реальность» (С. 117). Именно она выявляет, какой путь человек проделал, что он приобрел или чего еще ему не хватает. Структура реакции подсказывает, какие шаги были совершены и какие еще предстоит совершить на пути персонализации веры, то есть дает указания к дальнейшим действиям с воспитательной точки зрения.

Сегодня, как никогда, важно (отец Джуссани всегда об этом говорил) порождение личности в столкновении со всеми встающими перед нами вызовами. Все мы хотим, чтобы иная человечность, порождаемая верой, стала нашей, вошла в нашу плоть, как говорилось в одном из первых выступлений. Человеку нужно помогать укрепляться в самосознании. Мы растем не за счет отвлеченных мыслей или рассуждений, а за счет того, что происходит. Почему для отца Джуссани было так важно, чтобы укреплялось наше самосознание? Потому что «сила личности заключается в интенсивности ее самосознания» (*Il senso di Dio e l'uomo moderno*. Milano: Bur, 2010. P. 132). Вот подлинная ее сила – самосознание.

В свете всего сказанного сегодня, перед лицом любого вызова давайте всегда помнить, что мы, как говорилось на упражнениях, ведем борьбу с небытием, с ничто. И потому вопрос, на который мы должны ответить, в следующем: что нам нужно, чтобы переживать любые обстоятельства? Все остальное вторично. Нас интересует вера, как ответ на потребности жизни. Меня поразили слова, с которыми в 1990 году Джуссани обратился к студентам: «Важна личность, а личность... есть сознание о событии [когда оно проникает в нас, мы замечаем это по тому, как переживаем все обстоятельства], о событии Христа, Который стал для тебя историей во встрече и Которого ты признал. Мы должны помогать, способствовать появлению новых личностей, людей, сознающих событие, становящееся для них историей. В противном случае мы выстраиваем организационные сети, но ничего не создаем, не даем ничего нового миру [да и самим себе]. Поэтому [обратите внимание!] рост Движения измеряется воспитанием веры в личности, признания события, ставшего историей. Христос стал историей для тебя, потому что затронул тебя в том, что мы зовем „встречей“, тем или иным образом проник в тебя [в самое твое нутро] стал твоим „интересом“ (*inter-esse*), Он внутри твоего существа» (L. Giussani. *Un evento reale nella vita dell'uomo. 1990–1991*. Milano: Bur, 2013. P. 39). Если мы дадим ей время, встреча будет проникать в нас все глубже, делая нас благодарными за то, что с нами произошло, позволяя предстоять перед любыми обстоятельствами, включая и такие, о которых мы говорили сегодня вечером. Все свидетельства это подтверждают, доказывают, что речь

не о мечтах, а о реальном опыте. Так в нас пробуждается настоящее любопытство, желание увидеть, каким образом новые обстоятельства еще яснее продемонстрируют нам современность Христа, и мы можем прикоснуться к Его несравненной инаковости, способной породить наше «я».

Надеюсь, никому не хочется упускать возможность такой проверки. Давайте в ближайшие месяцы помогать друг другу поддерживать живым сознание о том, что поставлено на карту для каждого из нас, ведь вопрос пандемии еще не исчерпан, и каждый должен и дальше проверять, чему он научился. Проверка веры не заканчивается, как не заканчиваются и вызовы. Все является возможностью проверки, и в любой ситуации мы можем увидеть (как видели сегодня вечером), остается ли что-то, что порождает личность, способную устоять в любых обстоятельствах.

Летом на школе общины мы продолжим работать над текстом упражнений Братства «Есть ли надежда?» До конца июля будем работать над третьей и четвертой главой, а также соответствующими вопросами и ответами собрания.

В августе и сентябре рассмотрим пятую и шестую главу и связанную с ними часть собрания.

Декрет Дикастерии по делам мирян, семьи и жизни. Все вы могли ознакомиться с этим документом, обнародованным 11 июня и касающимся Братства и многих других церковных объединений и движений. Мы намереваемся без промедления приступить к изменениям, которых он от нас требует, согласно указаниям и срокам, предусмотренным декретом. Как я уже сказал, этот новый вызов позволит нам проверить, укрепилось ли наше самосознание.

Столетие со дня рождения отца Джуссани. Напоминаю о работе сайта www.contributicentenario.comunioneliberazione.org, на который до 15 сентября можно загружать ваши материалы, относящиеся к столетию со дня рождения отца Джуссани. Прошу всех серьезно обдумать возможность участия и не откладывать все на последние дни. Таким образом вы облегчите работу секретариата. Подробности ищите на сайте.

Сорок второй Митинг в Римини на тему «Мужество сказать „я“» пройдет с 20 по 25 августа. Учитывая действующие нормы и личную ситуацию каждого, приглашаю всех рассмотреть возможность посещения Митинга хотя бы в течение одного дня. Это самый простой способ внести свой вклад в созидание уникального места встречи, каким является Митинг. На сайте Митинга указаны способы непосредственного участия в выставочном комплексе в Римини.

Также сообщаю, что все еще есть потребность во взрослых волонтерах, особенно для работы в медицинской службе. По этой причине запись волонтеров (это касается только взрослых) продлена до 30 июня. Подробности на сайте Митинга.

День начала года пройдет во второй половине дня 25 сентября. В начале сентября мы сообщим о способах участия.

Наконец, призываю вас в летний период всерьез отнестись к нашим средствам коммуникации: журналу, сайту, соцсетям. Нам не интересно заниматься какой-либо пропагандой, мы хотим лично проверять то, что нас поражает, чтобы нам захотелось делиться этим и с другими. Это

самая конкретная помощь, которую мы можем предложить нам самим, нашим друзьям и всем, с кем мы встретимся этим летом.

Veni Sancte Spiritus

Хорошего всем лета! Увидимся на Дне начала года. Спасибо, пока!